

Список литературы

1. *Джерджен К.Дж.*, Место психики в сконструированном мире // *Джерджен К.Дж.*, Социальный конструкционизм: знание и практика, Минск, БГУ, 2003, С. 48-73.
2. *Лекторский В.А.*, Реализм как философско-методологическая стратегия исследования познания // *Перспективы реализма в современной философии*, Москва, Канон+, 2017, С. 4-25.
3. *Труфанова Е.О.*, Рец. на книгу: *Интерсубъективность в науке и философии* // *Вопросы философии*, 2014, № 9, С. 182-185.
4. *Труфанова Е.О.*, Социальный конструкционизм в теории познания: истоки, проблематика, современный потенциал // *Эпистемология: перспективы развития*, Москва, Канон+, 2012, С. 389-400.
5. *Штейнер Е.С.*, О личности в Японии и Китае, хотя, строго говоря, в Японии и Китае личности не было // *Одиссей. Человек в истории*, Москва, Наука, 1990, С. 38-47.
6. *Nagel T.*, What is it Like to Be a Bat? // *The Philosophical Review*, 1974, № 4, P. 435-450.
7. *Uexküll J. von.* Streifzüge durch die Umwelten von Tieren und Menschen. Bedeutungslehre, Frankfurt am Main, S. Fischer Verlag, 1970, 206 p.

«ДРУГОЙ» ЗА ПОРОГОМ ВИРТУАЛЬНОГО

К.Э. Яралян

Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)

karineyaralyan@ysu.am

Аннотация: В современном мире своеобразным порогом поиска «Другого» стала грань виртуального. Возможность реализации статуса виртуального субъекта оказалась притягательной в первую очередь с точки зрения особенностей виртуальной коммуникации и условий самопрезентации. Высокая симулятивность виртуального придает ей возможность перехода в неаутентичное бытие, в рамках которого изначальная ориентированность виртуальных субъектов на соответствие ожиданиям симулирует качества «Своего». Легкость принятия «Своего» в виртуальном пространстве определена также преодолением нашей ответственности как «долженствующей единственности». Подобная специфика субъектных отношений виртуального ставит под сомнение как существование «Своего», так и существование «Другого».

Անոտացիա Կ. Է. Յարալյան: «Ուրիշը» վիրտուալի շեմից անդին: Ժամանակակից աշխարհում վիրտուալ իրականության սահմանը դարձել է Ուրիշի որոնման նախադուր: Վիրտուալ սուբյեկտի կարգավիճակի իրացումը չափազանց գրավիչ է առաջին հերթին վիրտուալ հաղորդակցման և ինքնաներկայացման հնարավորությունների տեսանկյունից: Միաժամանակ, վիրտուալի ծայրաստիճան սիմուլյատիվ բնույթը վերջինիս հաղոր-

ըում է ոչ աուտենտիկ կեցութան խորշի կարգավիճակ, որի պայմաններում սպասելիքներին և ակնկալիքներին համապատասխանելու վիրտուալ սուբյեկտների սկզբնական կողմնորոշումը նպաստում է Յուրայինի որակների կեղծագործմանը: Դրա հետ մեկտեղ, վիրտուալի սահմաններում Յուրայինների ընկալման դինամիկան որոշված է մեր պատասխանատվության հաղթահարմամբ: Վիրտուալի սուբյեկտային հարաբերությունների նման առանձնահատկությունը կասկածի տակ է դնում թե՛ Յուրայինի, թե՛ Ուրիշի գոյությունն այդ տարածքում:

Abstract: K.E. Yaralyan. «The Other» Beyond the Threshold of Virtuality. In the modern world, the borderline of virtuality becomes a specific threshold in one's pursuit of the Other. The possibility to actualize the status of virtual Ego turns out to be attractive, particularly in the context of virtual communication specifics and virtual environment for self-presentation. At the same time, the fact of being highly simulative grants virtuality a status of «opportunity niche» that opens the doors to inauthentic existence. In virtual reality, the easiness of self-acceptance is also determined by overcoming responsibility that we all bear as part of our «obligatory uniqueness» («non-alibi in being»). This particular nature of subject-to-subject relationship in virtuality disputes the existence of both, the Self and the Other.

Мир открывается нашему восприятию в определенной схеме ощущений, которая в каждой конкретной ситуации предполагает наличие некоторого ракурса, предопределенного обстоятельствами. Вместе с тем система отношений человека и предметов мира вещей отлична от системы отношений «человек – человек», предполагающей не только материальную, но и духовно-психологическую сторону. В философии данная проблема часто исследуется в теме отношений «Я – Другой». А. Шютц следующим образом объясняет возможность «восприятия-понимания» «Другого» и логику сосуществования с ним: характерное для человека психологическое чувство эмпатии через процесс аппрезентации дает нам возможность отождествления с «Другим», что создает объективное поле интерсубъективности, т.е. общности установок и воззрений, делающих возможным наше со-бытие [См.: 11, 18-20]. Продолжением ситуации становятся коммуникативные акты, реализация которых может происходить уже в совершенно различных системах, при разных обстоятельствах. В данном случае начинает проявляться социально-психологический феномен «взгляда», опосредованность которого преломляет образ «Другого» либо в сторону «Своего», либо в сторону «Чужого».

В современном мире своеобразным «порогом» подобного преломления стала грань виртуального, актуализирующая киберпространство как параллельное и специфическое коммуникативное поле. Интересно, что виртуализация жизни не просто создала новые механизмы восприятия «Другого», но и трансформировала эти механизмы в изначально данной нам системе актуальной реальности. Несмотря на то, что «Другой», «Свой» и «Чужой» взаи-

мосвязаны, они могут восприниматься как феномены, отражающие различные уровни нашего со-бытия.

Когда мы говорим о «Другом» и указываем на оппозицию, это означает, что в глубинах наших отношений всегда изначально существует конфликт, который детально описан Ж.П. Сартром в работе «Бытие и ничто». Суть конфликта в том, что мое бытие требует существования «Другого», в результате чего я сам перестаю быть основанием для собственного бытия: я захвачен «Другим» и поработан им. Соответственно, проект моего собственного «восстановления» предполагает такое расширение собственного бытия, которое позволило бы захватить свободу «Другого» и редуцировать ее к собственному бытию, подчиненному моей свободе [См.: 9, 377-379]. Конфликт в контексте биполярности социального мира, сосредоточенный в системе «Другого» как онтологического уровня оппозиции, является первоначальным, базовым смыслом нашего «бытия-для-Другого». Дальнейшее, уже больше социально-психологическое развертывание инаковости, находит свое продолжение в рамках таких противоположных установок, как «Свой» и «Чужой». В самом общем смысле специфику данных феноменов можно конкретизировать следующим образом: если в рамках отношений «Я – Другой» есть *ожидание* принятия или терпимости, то «Другой» для нас пока еще остается «Чужим». Если в рамках отношений «Я – Другой» принятие и терпимость *реализованы*, то граница «Другого» близка к «Своему».

Реализация данных отношений предполагает процесс коммуникации, т.е. понимание, ожидание, сопереживание, а значит, в каком-то смысле и специфическое преодоление такого экзистенциала, как одиночество. Сама коммуникация, как и остальные перечисленные модусы, является феноменом человеческого бытия, т.е. тем, что всегда и во все времена обусловлено присутствием самого человека. Но изменение социокультурной ситуации, в частности, технологического уровня, а следовательно, и скорости вращения мира вокруг нас, всегда «провоцирует» новые способы видения себя и «Другого», формирует новые формы переживания себя, своего одиночества и пути его преодоления, выдвигает новые проекции экзистенциального кризиса и выхода из него.

Бытие «Я» требует существования «Другого». «Другой» – наш онтологический гарант. Но следует также признать, что в системе противоречивой человеческой сущности факт нашего существования изначально закреплён и онтологическим статусом одиночества. С одиночества начинается человек; одиночество – это первая свобода; свобода начала, утверждающая мужество, гордость и независимость [См.: 7]. Порой кажется, что эта свобода непреодолима, и каждый из нас вечно обречен на мир собственный, независимый, непроницаемый и непонятный. Кажется, что действительно, каждый из нас всегда будет в «Своем», и наши «здесь» останутся взаимоисключающими навсегда [См.: 8, 288]. Но как и свобода, одиночество предполагает ответственность: в данном случае, ответственность за себя, ответственность за свой выбор. С одной стороны, человек постоянно ищет встречи с собой, с другой – он всегда боится самого себя, боится остаться наедине с собой и начинает бегство от себя – от одиночества, от «свободы начала». Человек начинает

поиск встречи с собой в системе «Другого» в первую очередь с тем, чтобы именно с «Другим» разделить долю своей ответственности.

В мире социального коммуникация, диалог – это единственная возможность услышать и быть услышанным, единственная возможность прочувствовать другого, ощутить его экзистенцию, ибо диалог – это в первую очередь именно «коммуникация экзистенций», предполагающая взаимопроникновение, осознание ценности другого, понимание его души. Именно экзистенцию К. Ясперс считает бытийным ядром личности, которое связано с самоконструированием и самоопределением. Экзистенция уникальна, но существование ее как реальности возможно лишь в соотнесенности с другой экзистенцией. Однако понимание, как условие всякого диалога, чрезвычайно сложно и запутано. Действительно, «всякое понимание есть вместе с тем непонимание» [3, 120]. Здесь возникает вопрос: каковы же условия экзистенциальной коммуникации, что может ввести людей в одно смысловое поле, что может разрушить границы отдельных «здесь». Согласно К. Ясперсу, необходимым условием экзистенциальной коммуникации является общая ситуация, в которой принятие в себя одним событием другого самобытия требует неопределенности и абстрактности, а глубины соприкосновения, верности и независимости [См.: 12, 302]. Когда для выявления этой «глубины соприкосновения» в контексте современного общества мы рассматриваем такие феномены, как «коммуникация», «диалог» и «одиночество», то сталкиваемся с достаточно специфической ситуацией. Ясно, что с точки зрения насыщенности коммуникативного поля, аналога современному обществу пока еще не было. Современные технологии, открывшие возможность мгновенной коммуникации, перевернули весь строй социальных отношений. Современное общество стали называть информационным, ибо в нем объем информации достиг пределов, определяющих качество социальной системы, ее структуру. Современное общество стали называть сетевым, т.к. оно превратилось в пространство со множеством децентрализованных узлов, гибко реагирующих друг на друга. Современное общество стали называть обществом диалога, ибо в нем действительно возросла степень взаимодействия равноправных субъектов коммуникации. Тем не менее даже при подобном коммуникативном фоне и такой диалогичности, как это ни парадоксально, тема одиночества продолжает оставаться актуальной для человека. Похоже, подтверждается наблюдение М. Бубера о том, что от эпохи к эпохе одиночество становится все холоднее и суровее, и спастись от него все труднее [См.: 5, 164]. Наряду со всеми перечисленными дефинициями, современное общество называют также обществом одиноких: мы приобрели статус «туристов», которые в рамках продиктованных социокультурных и экономических условий смогли вписаться в требования мобильности, гибкости, инициативности, но вместе с тем и глубинного непостоянства в самом широком смысле этого слова настолько, что в межличностных отношениях близость, сопричастность и привязанность постепенно отошли на второй план. Человек ощущает сладость независимости в первую очередь через меньшую степень ответственности, однако не прекратил поиск «Своего». Несмотря на то, что экзистенциальная коммуникация сокращается в информационных

потоках, человек, как и раньше, продолжает переживать потребность быть услышанным.

В подобной социокультурной ситуации новым порогом, за которым возможен поиск себя и «Другого», стала именно виртуальность. Представляется, что условия существования, предоставленные в границах киберпространства, достаточно оптимальны и приемлемы для адекватного самообнаружения. Виртуальное стало кардинальным поворотом в жизни современного человека. В каком-то смысле подобное внедрение «неявного» стало новым испытанием для человека. Восприятие виртуальности в качестве основного детерминанта современных социокультурных процессов вполне оправдано. Однако изначально интересен вопрос о том, насколько вообще виртуальность близка человеческой природе? Поиск ответа важен в первую очередь с точки зрения определения граней ожидаемого. Если обратиться к истории философии, то становится ясно, что категория «виртуальности» уже достаточно давно находится в центре философских исследований. В частности, она активно разрабатывалась в контексте разрешения фундаментальных проблем средневековой философии: к примеру, для Фомы Аквинского категория виртуальности являлась средством осмысления ситуации сосуществования трех уровней реальности: души мыслящей, животной и растительной [См.: 1, 850-851]. Позднее данная тема была затронута и Николаем Кузанским в контексте проблемы виртуальности и актуальности существования и энергии [См.: 6, 33-94]. В дальнейшем виртуальность главным образом стала предполагать понятие производной реальности следующего уровня. Считается, что объекты данного производного уровня онтологически равноправны с порождающей их «константной» реальностью и автономны; при этом их существование полностью обусловлено перманентным процессом их воспроизведения порождающей реальностью, т.е. при завершении указанного процесса объекты виртуальной реальности исчезают [См.: 10].

Конечно, если провести более подробный историко-философский обзор проблемы виртуальности, то заметим многозначность и некоторую неопределенность данного термина. Однако в целом можно сказать, что для всех эпох виртуальность, наряду с особенностями интерпретаций и восприятия, предлагает своеобразный модус видения мира в определенных «воображаемых проекциях». Само наличие «воображаемых проекций» достаточно характерно для человеческой природы. Именно поэтому постоянное конструирование виртуальной реальности вполне оправдано. Но современная виртуальность в рамках киберпространства предполагает эффект присутствия в данной среде, сопровождающийся ощущением реального и виртуального в собственной жизни. Получается, что виртуальная реальность постепенно стала все больше уходить от степени воображаемого, выступив к качеству конструктивного элемента жизни современного человека. «Наша виртуальность» уже не пытается, да и не может сохранить нейтральность по отношению к нашей повседневности, а последняя, в свою очередь, впала в большую зависимость от виртуальности. Все это превратило виртуальность буквально в символ нашего времени, а значит и представило в качестве социально значимого феномена.

У нас появился шанс реализовать свой статус виртуального субъекта, который оказался чрезвычайно притягателен в первую очередь с точки зрения

особенностей виртуальной коммуникации и условий самопозиционирования. Непосредственная физическая непредставленность и возможность анонимности нередко создают ощущение большей свободы. Одновременно кажется, что соотношение свободы и степени ответственности, которые возможны в виртуальном пространстве – это самое желанное из того, что мог придумать для себя человек: наибольшая свобода с наименьшей ответственностью. Возможность формального присутствия в системе симуляционных процессов создает ситуацию развития некоей вспомогательной, параллельной игры, решение которой, а также выбрать фрагменты, достойные с нашей точки зрения актуализации, полностью в наших руках, а это чрезвычайно притягательно. Именно в данный механизм вписывается и система отношений с «Другим», в которой также часто роль хозяйки принадлежит симуляции [См.: 4]. Подобная специфика виртуальной реальности достаточно легко превращает ее в очередную нишу возможности перехода в неаутентичное бытие: в границах последнего мы с большей легкостью готовы приписать «Другому» статус «Своего», качества которого в рамках самопрезентации часто симулируются изначальной ориентированностью виртуальных субъектов на соответствие ожиданиям. В этих условиях определенную мнимость приобретают и основные факторы экзистенциальной коммуникации: совместное переживание экзистенциальной ситуации и успокоение экзистенциальной тревоги одиночества приобретают симулятивность, подкрепленную отказом от нашей ответственности как «долженствующей единственности» [См.: 2]. Подобная ситуация актуализирует проблему видимости виртуальной личности, ориентированной исключительно на самопрезентацию и ставит вопрос о возможном упразднении актуальной субъектно-субъектной парадигмы виртуального общения, в результате чего на данном уровне со-бытия ставится под сомнение не просто существование «Своего», но даже существование «Другого».

Список литературы

1. *Аквинский Ф.*, Сумма теологии. Сумма против язычников // Антология мировой философии в 4-х т., Т.1, ч. 2, Москва, Мысль, 1969, 936 с.
2. *Бахтин М.М.*, К философии поступка // *Бахтин М.М.*, Собр. соч. в 7-и т., Т. 1, Москва, Русские словари, 2003, С. 7-68.
3. *Бибихин В.В.*, Понять другого // *Бибихин В.В.*, Слово и событие. Текст и литература, Москва, Наука, 2010, 461 с.
4. *Бодрийяр Ж.*, Симулякры и симуляция / Пер. с фр. А. Качалова, Москва, Постум, 2015. 240 с.
5. *Бубер М.*, Два образа веры, Москва, Республика, 1995, 464 с.
6. *Кузанский Н.*, О видении Бога // Соч. в 2-х т., Т. 2, М., Мысль, 1980, 471 с.
7. *Левинас Э.*, Время и Другой. Гуманизм другого человека, Санкт-Петербург, Высшая религиозно-философская школа, 1998, 265 с.
8. *Ортега-и-Гассет Х.*, «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве, Москва, Радуга, 1991, 639 с.
9. *Сартр Ж.П.*, Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко, Москва, Республика, 2000, 639 с.

10. *Хоружий С.С.*, Род или нерод? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии, 1997, № 6.
11. *Шютц А.*, Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии, Москва, Институт Фонда «Общественное мнение», 2003, 336 с.
12. *Ясперс К.*, Духовная ситуация времени // *Ясперс К.*, Смысл и назначение истории, Москва, Республика, 1994, 527 с.